

Николай
ГОГОЛЬ

ТАРАС
БУЛЬБА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
Г 58

Серийное оформление Евгения Савченко

ISBN 978-5-389-04899-7

© А. Д. Степанов, статья, комментарии, 2007
© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

ПОВЕСТИ «МИРГОРОДА»: ИСТОРИЯ, БЫТ, ФОЛЬКЛОР

«Миргород» — второй сборник Н. В. Гоголя, который вышел в 1835 году (одновременно с «Арабесками») и был, как указал сам автор в подзаголовке, прямым продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Однако повести, вошедшие в эту книгу, отличаются от ранних повестей «Вечеров...» двумя особенностями: во-первых, в них реализовался интерес Гоголя к украинской истории, а во-вторых, в них гораздо больше внимания оказалось уделено современному «быту и нравам», социальной жизни. Эти черты позволили многим литературоведам говорить о том, что «Миргород» открывает новый, реалистический период в творчестве Гоголя. На самом деле это не совсем так: параллельно с сочинениями из украинской жизни писатель работал над «петербургскими повестями», в которых реальное тесно переплеталось с фантастическим.

«Миргород», как никакой другой сборник Гоголя, отличается единством замысла, представляет собой единую книгу. На единство указывает и само заглавие: Миргород — это и городок в Полтавской губернии, известный лишь тем, что там «пекутся бублики из черного теста», и одновременно «сборный» город всего украинского мира и украинской истории.

Путь к исторической теме был долгим: молодой Гоголь далеко не сразу нашел себя. Он дебютировал как поэт ультраромантической поэмой «Ганц Кюхельгартен», но это произведение не встретило ничего, кроме насмешек критиков, и автор был вынужден сжечь все ее экземпляры. Потом Гоголь пытался поступить актером на император-

скую сцену, служил чиновником в департаменте, печатал статьи в журналах — и при этом постоянно и всерьез думал о карьере историка. В 1831 году двадцатидвухлетний молодой человек становится преподавателем истории петербургского Патриотического института (где прослужит четыре года). В занятиях историей у него сразу наметились две сферы интересов: история украинская и история всемирная. Однако история общества для Гоголя всегда была неотделима от истории культуры. В течение нескольких лет он собирает украинский фольклорный и этнографический материал: сведения о костюмах, описания свадебного обряда, старинные предания, рассказы о чертях и ведьмах, страшные истории и веселые анекдоты. Этот материал и послужил основой для «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — сборника, который принес молодому автору любовь читателей и восторженные отзывы многих критиков, писателей и поэтов: О. М. Сомова, В. Ф. Одоевского, Н. М. Языкова, Н. И. Надеждина и самого Пушкина: «Все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего...»

Намерение молодого Гоголя стать историком с началом писательской карьеры переросло в интерес к истории Украины как теме для художественных сочинений. Первыми попытками обращения к ней стали неоконченный роман «Гетьман», главу из которого Гоголь опубликовал еще в январе 1831 года, и отчасти повесть «Страшная месть» из второй части «Вечеров...», изданной в 1832 году. В этих произведениях казаки предстают совсем не такими, как в других повестях «Вечеров...»: здесь действуют не фольклорные поселяне, а свободолюбивые воины, хранящие истинную веру. Героическое прошлое родного края все больше увлекает Гоголя. В конце 1833 — начале 1834 года он сообщает в письме к Пушкину, что начал работу над «историей Украины и юга России». Он помещает в журналах объявление о том, что собирается писать «Историю малороссийских козаков», и просит присылать ему материалы. Мечтает занять кафедру всеобщей истории в только что

открывшемся Киевском университете и пишет «План преподавания всеобщей истории». В Киевском университете места не нашлось, но в июне 1834 года Гоголь стал адъюнкт-профессором Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей истории. В это время он публикует «Отрывок из истории Малороссии» и статью «О малороссийских песнях», в которых трактует происхождение и сущность казацкого характера. В этих статьях можно увидеть истоки концепции будущего «Миргорода». По Гоголю, рожденное Великой Степью «новое славянское поколение» отличалось энтузиазмом, воинственностью и свободлюбием. Казаки были воплощением «воинствующего православия», но в то же время оставались чужды всякого аскетизма. Христианско-республиканское «братство разбойничьих шаек» жило «азиатским буйным наслаждением» набегов, а в промежутках между ними предавалось «языческому» разгулу. Как видно даже по этим цитатам, исторические сочинения независимо от воли автора получались у Гоголя народно-поэтическими, что сам автор охотно признавал: «Мне попрекают, что слог... слишком уж горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» — сообщал он в одном из писем этого времени. Вскоре он отказывается от замысла научного труда, а «нескучную» историю воплощает в художественных текстах: в «Тарасе Бульбе» и «Вие». Однако история не единственная стихия, которая организует будущий «Миргород». Чем больше Гоголь углубляется в героическое прошлое своих земляков, тем отчетливее он видит их жалкое настоящее. Уже в «Вечерах...» появляется выбивающаяся из общего тона повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», в которой рассказывается о робком, недалекоем и безликом обывателе. В «Миргороде» эта тема получает развитие в «Старосветских помещиках» и повести о ссоре двух Иванов. Но в то же время сборник, который в конечном счете воплотил размышления об украинской истории, был еще и продолжением фольклорной линии в гоголевском творчестве. Новаторство «Миргорода» заключалось в смешении истории, фольклора и быта.

Присутствие этих трех элементов в разных повестях сборника неравномерно. Если украинское прошлое в «Миргороде» идеализируется, предстает в героико-эпическом или сказочно-легендарном освещении, подчиняющем себе и быт, и отчасти историю, то настоящее оказывается его полной противоположностью — царством рутинного быта, в котором остановилась история и не осталось места даже для фольклора. «Нет, прошло времечко: не увидеть больше запорожцев!» — восклицал один из рассказчиков еще в «Вечерах...». Эта мысль становится главной в новой книге: сопоставление героического прошлого и ничтожного настоящего — основа композиции «Миргорода».

«Тараса Бульбу» уже современники сопоставляли с гомеровским эпосом. Как и автор «Илиады», Гоголь отталкивается от исторических событий и придает им эпически неправдоподобные масштабы. В истории молодого Гоголя привлекали прежде всего вольность и героизм. Историческая Запорожская Сечь была хотя и дикой, но республикой. На Запорожье все были равны, отсутствовала частная собственность, верховная власть находилась в руках казачьего веча (рады), а атаманы командовали только на войне. Казак мог стать любой человек, которому воля была дороже всего, даже самой жизни. Эту анархическую вольницу и идеализирует Гоголь. Бульба и его сыновья предстают былинными богатырями, а описания битв прямо восходят к Гомеру. Но желание создать единую масштабную эпическую картину заставляет Гоголя отступать от исторической правды. Он легко нарушает хронологию (которую как историк прекрасно знал), свободно перемешивает времена и события и соединяет воедино черты разных исторических лиц. В отличие от исторических запорожцев, то воевавших, то заключавших союзы со всеми своими соседями (гетман Сагайдачный ходил в 1610 году с поляками на Москву), живших грабежом, всегда имевших в своей среде богатых и бедных, добывавшихся сначала от польского, а потом от русского правительства признания своего дворянства («лыцарства»), гоголевские казаки — это

не знающие сомнений и колебаний борцы за святую веру и отечество. Эпическое единство не нарушается ничем.

Если «Тарас Бульба» представляет собой стилизацию фольклорной героической эпопеи как «исторической памяти народа в масштабах героической идеализации» (В. М. Жирмунский), то сюжет «Вия» восходит к сказкам и легендам, внеисторическим по своей природе. Но здесь тоже находится место истории: легендарные мотивы, заимствованные из русского, украинского и западноевропейского фольклора, писатель увязывает с реалиями мемуаров и летописей. Гоголевские бурсаки, студенты Киево-Могилянской академии, живут, по-видимому, всего на несколько десятилетий позже Тараса Бульбы (насколько вообще можно судить о хронологии у Гоголя). Уже нет прежней запорожской вольницы, но «философы» и «богословы» еще сохраняют казацкую силу и казацкий характер. Правда, проявляется этот характер теперь только в невиданном аппетите, драках между классами и «чрезвычайно странном» свойстве, присущем богослову Халяве: «что ни лежало, бывало, возле него, он непременно украдет». Мир, в котором живут эти герои, уже лишен героического начала, и потому бытовые детали и описания нравов оказываются ценны сами по себе, не подчинены задачам характеристики «безудержной» казацкой природы. Однако быт в «Вие» не единственное и не главное содержание жизни: он не заслоняет, а оттеняет чудесное, фольклорную сказку и легенду. Сочиняя историю об отпевании ведьмы, Гоголь соединяет воедино множество сказочных мотивов — украинских, русских и западноевропейских, а фигура самого Вия, по всей видимости, является его собственным изобретением.

Повести, рассказывающие о современности — «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», — полностью лишены и чудес, и героики, и какой бы то ни было связи с текущим историческим моментом. Персонажи здесь — те же казаки, прямые потомки Тараса Бульбы и Хомя Брута, но они давно превратились в «существователей» и

«небокопителей». Афанасий Иванович Товстогуб был некогда офицером-кавалеристом, Иван Никифорович Довгочун «назад тому лет двадцать», во время наполеоновских войн, собирался служить в ополчении. «Но это уже было очень давно, уже прошло»: о прошлом напоминает только заржавленное ружье да казацкие шаровары «в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением». Неумный и упрямый казацкий характер проявляется теперь не в битвах и загулах, а в обжорстве и бесконечной судебной тяжбе. Единственным «чудом», которое происходит в повести о двух Иванах, оказывается похищение бурой свиньей прошения из помещения суда. На место эпopeи и сказки приходит сатира, на место былинных богатырей и сказочных персонажей — маленькие люди. Но тем не менее в этих повестях и герои, и тон рассказа лишены однозначности. Уже первых читателей поразило удивительное сочетание сатиры и идиллии, иронии и лиризма, ничтожности изображенной жизни и высоты чувств персонажей. Герои «Старосветских помещиков» — старые обжоры, ведущие растительное существование, — одновременно оказываются недостижимым образцом кроткой взаимной любви, новыми Филемоном и Бавкидой. А в повести о двух Иванах, где все, казалось бы, подчинено сатирической задаче и никакого просвета быть не должно, вдруг возникает элегический эпилог, который заканчивается знаменитым: «Скучно на этом свете, господа!»

МИРГОРОД

ПОВЕСТИ,
СЛУЖАЩИЕ ПРОДОЛЖЕНИЕМ
«ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Миргород нарочито невеликий при реке Хороле город. Имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц.

География Зябловского

Хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны.

Из записок одного путешественника

Часть первая

СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ

Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владельцев отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротой и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого стен не промыл еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень и лишенное щекатурки крыльцо не выказывает своих красных кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за забор, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербами, бузиною и грушами. Жизнь их скромных владельцев так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении. Я отсюда вижу низенький домик с галереею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущею вокруг всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни окон, не замочась дождем. За ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых

дерев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер; перед домом просторный двор с низенькою свежею травкою, с протоптанною дорожкой от амбара до кухни и от кухни до барских покоев; длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол, обвешанный связками сушеных груш и яблок и проветривающимися коврами; воз с дынями, стоящий возле амбара; отпряженный вол, лениво лежащий возле него, — все это для меня имеет неизъяснимую прелесть, может быть, оттого, что я уже не вижу их и что нам мило все то, с чем мы в разлуке. Как бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъезжала к крыльцу этого домика, душа принимала удивительно приятное и спокойное состояние; лошади весело подкатывали под крыльцо, кучер преспокойно слезал с козел и набивал трубку, как будто бы он приезжал в собственный дом свой; самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам. Но более всего мне нравились самые владельцы этих скромных уголков, старички, старушки, заботливо выходившие навстречу. Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда вдруг на меня находит полусон и мерещится былое. На лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя по крайней мере на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь.

Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но ду-

ша моя полна еще до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустелое жилище и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, — и ничего более. Грустно! мне заранее грустно! Но обратимся к рассказу.

Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогубиха, по выражению окружающих мужиков, были те старики, о которых я начал рассказывать. Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их. Афанасию Ивановичу было шестьдесят лет, Пульхерии Ивановне пятьдесят пять. Афанасий Иванович был высокого роста, ходил всегда в бараньем тулупчике, покрытом камлотом, сидел согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы рассказывал или просто слушал. Пульхерия Ивановна была несколько сурьезна, почти никогда не смеялась; но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица. Легкие морщины на их лицах были расположены с такою приятностью, что художник, верно бы, украл их. По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные

места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на *о*, слог *въ*. Нет, они не были похожи на эти презренные и жалкие творения, так же как и все малороссийские старинные и коренные фамилии.

Нельзя было глядеть без участия на их взаимную любовь. Они никогда не говорили друг другу *ты*, но всегда *вы*; вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна. «Это вы продавили стул, Афанасий Иванович?» — «Ничего, не сердитесь, Пульхерия Ивановна: это я». Они никогда не имели детей, и оттого вся привязанность их сосредоточивалась на них же самих. Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах, был после секунд-майором, но это уже было очень давно, уже прошло, уже сам Афанасий Иванович почти никогда не вспоминал об этом. Афанасий Иванович женился тридцати лет, когда был молодцом и носил шитый камзол; он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него; но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере никогда не говорил.

Все эти давние, необыкновенные происшествия заменились спокойною и уединенною жизнью, теми дремлющими и вместе какими-то гармоническими грезами, которые ощущаете вы, сидя на деревенском балконе, обращенном в сад, когда прекрасный дождь роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тем радуга крадется из-за деревь-

ев и в виде полуразрушенного свода светит матовыми семью цветами на небе. Или когда укачивает вас коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепел гремит и душистая трава вместе с хлебными колосьями и полевыми цветами лезет в дверцы коляски, приятно ударяя вас по рукам и лицу.

Он всегда слушал с приятною улыбкою гостей, приезжавших к нему, иногда и сам говорил, но больше расспрашивал. Он не принадлежал к числу тех стариков, которые надоедают вечными похвалами старому времени или порицаниями нового. Он, напротив, расспрашивая вас, показывал большое любопытство и участие к обстоятельствам вашей собственной жизни, удачам и неудачам, которыми обыкновенно интересуются все добрые старики, хотя оно несколько похоже на любопытство ребенка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов. Тогда лицо его, можно сказать, дышало доброю.

Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть ее. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломою, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер, когда пылкая молодежь, прозябнувши от преследования за какой-нибудь смуглянкой, вбega-

ет в них, похлопывая в ладоши. Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяева давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиепископа, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество небольших картинок, которые как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их вовсе не рассматриваешь. Пол почти во всех комнатах был глиняный, но так чисто вымазанный и содержавшийся с такою опрятностью, с какою, верно, не содержится ни один паркет в богатом доме, лениво подметаемый невыспавшимся господином в ливрее.

Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками. Множество узелков и мешков с семенами, цветочными, огородными, арбузными, висело по стенам. Множество клубков с разноцветною шерстью, лоскутков старинных платьев, шитых за полстолетие, были уложены по углам в сундучках и между сундучками. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится.

Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели: перержавевшие ли петли были тому виною или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь

секрет, — но замечательно то, что каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: «батюшки, я зябну!» Я знаю, что многим очень не нравится этот звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и боже, какая длинная навеваётся мне тогда вереница воспоминаний!

Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были все с высокими выточенными спинками, в натуральном виде, без всякого лака и краски; они не были даже обиты материею и были несколько похожи на те стулья, на которые и доньше садятся архиереи. Треугольные столики по углам, четырехугольные перед диваном и зеркалом в тоненьких золотых рамах, выточенных листьями, которых мухи усеяли черными точками, ковер перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц, — вот все почти убранство невзыскательного домика, где жили мои старики.

Девичья была набита молодыми и немолодыми девушками в полосатых исподницах, которым иногда

Гоголь Н.

Г 58 Тарас Бульба : повести / Николай Гоголь. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 352 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-04899-7

В настоящем издании печатаются повести Н. В. Гоголя, составившие его сборник «Миргород»: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Как указал сам автор, сборник «Миргород» (1835) стал органичным продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». «Нет, прошло времечко: не увидеть больше запорожцев!» — восклицал один из рассказчиков еще в «Вечерах...». Эта мысль теперь становится главной: сопоставление легендарного прошлого и лишнего героизма настоящего — основа композиции «Миргорода». Мужество, непреклонная воля, недюжинная сила и любовь к отечеству — черты истинных героев в «Тарасе Бульбе».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-44

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ
ТАРАС БУЛЬБА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Ирина Сологуб

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.02.2025.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 18,59. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12-14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AMC-11768-17-R